

Вырезка из газеты

ВЕЧЕРНИЙ
ЛЕНИНГРАД

г. Ленинград

Гори, гори, моя звезда

Большой сибирский город Иркутск прислал нам своих посланцев — Иркутский театр юного зрителя. В репертуаре театра ряд интересных названий, предназначенных для разных возрастных категорий зрителей. Одни из старейших театров страны, чья история связана с таким этапным спектаклем, как «Мать» М. Горького, «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского, «Вей, петерок» Я. Райнса, где и сегодня со сцены звучит слово Мольера, Достоевского, Шекспира, Иркутский ТЮЗ показал три работы: «Гори, гори, моя звезда», «Сон в летнюю ночь» и сказку Е. Шварца «Два клена».

В свое время с большим успехом прошел по экранам страны замечательный фильм «Гори, гори, моя звезда» с О. Табаковым, О. Ефремовым, Е. Леоновым. Этот же киносценарий лег в основу спектакля иркутяни. Театр попытался создать романтико-героическое представление, в центре которого образ художника, театральной режиссера, поэтической, та-

лантливой натуры Искремаса. Его имя расшифровывается как «Искусство революции массам» и обозначает ту идею, ради которой этот деятель искусства идет «в народ» и в конечном итоге погибает. Но если в фильме герой Табакова был добрым, наивным мечтателем, беззаветно преданным революции, душевно цельным и ясным, то герой О. Мокшаева — актера явно одаренного, незаурядного — натура мятушная, в чем-то ущемленная, болезненная, пытающаяся в первую очередь обрести себя в этом бушующем мире. Это спектакль (режиссер В. Кокорин) о месте художника в обществе, и мысль эта прочитывалась бы еще яснее, если бы подкреплялась остальными актерскими работами. В спектакле же, к сожалению, большая часть исполнителей выглядит функционально, живых человеческих характеров не возникает, за исключением, пожалуй, исполнительницы центральной женской роли Крыси. У актрисы З. Задорожной есть необходимая искренность, чистота,

непосредственность, от нее исходит некое излучение доброты и надежности, которое и притягивает к ней Искремаса.

Надо сказать, что в постановке не выдерживается жанр трагикомедии, заявленный в программе к спектаклю. Все выпрямленней, схематичней, нет сочетания грустного и веселого, ироничного и серьезного. Хотя в оформлении спектакля присутствуют и поэтичность, и метафоричность (художник Ю. Цветицкий). Кругом холсты: на них чьи-то лица, глаза, цветные пятна — это работы талантливого самоучки-маляра — друга Искремаса. На авансцене — мертвое дерево с разукрашенными яркой краской мертвыми плодами — символ несостоявшейся загубленной жизни. Это одновременно творческая лаборатория художника и подмостки арены, над которой раскинулся шатер звездного неба, зияющий проرخами, раскромсанный, как и жизнь героев.

Театральная игра «театр в театре» — этот прием подчеркивается и двумя фигурами

ведущих — условных персонажей, периодически включающихся в действие. Постоянно присутствуют на сцене музыканты, часть из которых как бы духовой оркестр тех лет, а пианист за концертным роялем и скрипачка в современном одеянии — это наши современники, наши полномочные представители (раздражают, правда, некоторая неряшливость в одежде пианиста, непродуманность сценического поведения музыкантов и, конечно же, фальшивые звуки трубы в кульминационные моменты действия). В целом же музыкальное оформление спектакля достигает необходимой эмоциональной силы воздействия (композитор и руководитель оркестра В. Соколов).

Гостей принято встречать хлебом - солью. Думается, что иркутский театр нашел в лице ленинградских зрителей чутких и отзывчивых друзей, способных прощать недостатки и с радостью воспринимать все хорошее, что подарил им театр за короткие гастроли.

Н. КАЗИМИРОВСКАЯ